

С. А. Сухих (Краснодар)

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ИЗМЕНЕННЫХ СОСТОЯНИЙ СОЗНАНИЯ**

В статье выдвигается гипотеза о невозможности вербализации бессознательного содержания, что далее последовательно доказывается данными эксперимента, имевшего целью выявить уровень языковой компетенции у лиц, употреблявших психоактивные вещества.

The article is focused on the problem of verbalization of the unconscious. The experiment, aiming at identifying the level of the language competence among the people that took psychoactive substances, proves it impossible.

Проблема измененных состояний сознания (ИСС) была актуальна преимущественно в психологии. Для лингвистики данная проблема получила интерес в силу изучения воздействия дискурсов на психику коммуникантов. Современный человек живет в условиях, когда состояние сознания постоянно изменяется под влиянием стрессовых факторов: аффективные переживания, интоксикации, парадоксальные инструкции, музыкальные и информационные перегрузки. В реальной жизни состояния сознания прерывны, «так как ими управляют разные закономерности, но и одновременно в большей степени смежны...» (Рассохин, Измагурова 2004: 41).

В лингвистике попытку обобщения данных о знаковом измерении или репрезентации ИСС предпринимал Д. Л. Спивак (2000). Изменения функционального состояния сознания достигается суггестией, фармакологией, экзогенными факторами. ИСС характеризуются регрессией к более ранним стадиям онтогенеза, перестройкой структуры отдельных концептов, дополнения структуры концептов. В языковом представлении ИСС характеризуется сегментированностью предложений, цепочками номинативных предложений, редукцией, компрессией, преобладанием клише, разрушением СФЕ, преобладанием синтагматических ассоциаций над парадигматическими, наличием индекса Шлисмана, т.е. возрастание глаголов по сравнению с существительными, возрастанием указательно-заместительной и служебной лексики, наречия, частицы, диссоциация нарративных структур.

В психологии ИСС описаны достаточно основательно, подробнее, см. (Рассохин, Измагурова 2004). Однако особенности знаковой символики ИСС практически не исследовались. Предпринималась попытка проникнуть в особенности языка бессознательного (Кюглер 2005). Ибо изменяться сознание может в сторону расширения или сужения (сумрачное) его границ. Различие этих изменений состоит в степени осознания содержания бессознательного. Современные представления в психологии допускают наличие в личности разнообразных чувственно окрашенных комплексов, «каждый из которых состоит из бессознательных групп ассоциаций, объединенных общим аффектом, в центре которого располагается психический образ <...> При пониженном уровне сознания у человека отмечается переход от преобладания семантических ассоциаций к ассоциациям преимущественно фонетическим» (Кюглер 2005: 98). При этом автор исходит из теоретического предположения о существовании в языке бессознательного фантазий и мифических образов, включенных в скопление фонетически близких слов. При снижении уровня сознания такое скопление ассоциаций становится все более доступным, благодаря росту тенденций к ассоциированию вследствие сходства между звуком и образом. Глубинная психология и лингвистика допускают, что значение имеет глубинное, архетипическое представление, а также лексическое воплощение в конкретном языке. Фантазии перемещаются от образа к звуку, от архетипа к криптотипу с помощью языка.

При сдвиге сознания к бессознательному перед человеком открывается его архетипический тезаурус, психический словарь, который связывает в воображении различные значения со сходными фонетическими рисунками. Архетипическое значение имагинально связано с фонетическим звучанием. Архетипический словарь бессознательного организован «метафорической осью (поэтическая композиция), напоминающей парадигматику, и метонимической осью (прозаическая композиция) напоминающей синтагматику» (Кюглер 2005: 132). В грамматике и синтаксисе заложены основы нашего коллективного бессознательного и его реальной однозначности.

Проблема знаково-символической организации бессознательного становится отчетливой при изучении содержания бессознательного у психотиков. В.Руднев (2005-а), описывая логи-

ку психотиков, отмечает, что переход от здорового к больному имеет градуальную, а не привативную оппозицию. Так поэтические тексты сродни обсессии (навязчивости), персеверации (циклического повтора). Смысл обсессии в высказывании навязчивых мыслей состоит в потребности снижения тревоги. Повторение рассматривается как умножение определенности, что и снижает тревогу. Наблюдается повторение слогформ, грамматических категорий, «фонемные ряды образуют стройные квадраты дифференциальных признаков...» (Руднев 2005-б: 379).

Прекрасный анализ логики безумия не позволяет автору сконцентрироваться на особенностях языкового конструирования психотиков. Однако отдельные наблюдения могут быть ценными для исследования означивания содержания психики коммуникантов. Любопытным представляется факт преобладания парадигматических, коннотативных связей над синтагматическими у шизофреников, т.е. функция идентификации начинает преобладать над функцией нарративизации. В. Руднев образно описывает содержание «гебефренического, параноидно-парафренического, катотонического, шизотимического миров» и других видов психических расстройств. В целом у автора возникают проблемы, связанные с неразграничением представлений о языке как системе и речевой деятельности и ее продукте. Вследствие этого возникают представления о языке как шизофреническом образовании (Руднев 2005-б: 382). Безусловно, заслуживает внимания разное понимание языка, связанное с доминированием параноидальными логико-позитивистскими взглядами и шизотипическая постмодернистская трактовка языка.

Более конкретные черты психические расстройства в семантическом измерении получают в направлении клинической семантики, которая призвана изучать процесс патологического смыслообразования. Это позволяет понять патогенез психических нарушений. Образовалось целое направление – клиническая психология, изучающая употребление слов субъектом патологии, что составляет патоидиолект (патологический вариант индивидуального языка), подробнее, см.: (Микиртумов 2004). Каждый вид психического расстройства представлен определенными тематическими рядами. К примеру, при сенестопатии, т.е. при локальном изменении внутренней чувствительности, в речи больных преобладает лексика таких тематических

рядов как: ТЯЖЕСТЬ, ЖЖЕНИЕ, ДАВЛЕНИЕ, ОБЪЕМ, ПЛОТНОСТЬ, ФОРМА, ДВИЖЕНИЕ. Практически выделяются факторы и языковые способы их выражения. Однако данный подход нуждается в использовании более глубокого лингвистического анализа.

В целом проблема ИСС в языковом воплощении только обозначена и нуждается в разработке концептуального и операционального аппарата исследования. Такая попытка осуществлена в нашем исследовании совместно с С. Рожковым.

Предметом исследования является процесс вербализации в письменной и устной форме у лиц, употребляющих психоактивные вещества (алкоголь и наркотики). Специальных исследований, посвященных изучению процессу вербализации у лиц, употребляющих психоактивные вещества, не проводилось и поэтому целью исследования является установление уровня языковой компетенции у лиц в измененном состоянии сознания (ИСС). При этом выявлялись вербальные способности у лиц, употребляющих психоактивные вещества, и вскрывались влияние глубинных факторов препятствующих вербализации.

Проводимое исследование опиралось на рабочую гипотезу, согласно которой нарушение символической функции препятствует осознанию себя, в силу деформации вербальных структур. Для проверки рабочей гипотезы был проведен эксперимент; на первом этапе, которого выявлялся уровень самосознания; на втором – измерялась языковая компетенция; на третьем – устанавливались корреляции между психологическими и лингвистическими переменными.

В качестве методов исследования использовались тематический апперцептивный тест (сокращенный вариант) и метод свободных ассоциаций с метафорическим переносом. Исследование проводилось индивидуально и проходило в два этапа. На первом этапе испытуемые проходили обследование по методике «Тематический Апперцептивный Тест»; на втором этапе – испытуемым предлагалась анкета «Метафорический сравнения ассоциативным способом».

На *первом этапе* испытуемые получали инструкцию в устном виде: «Я буду показывать Вам картины, Вы посмотрите на картину и, отталкиваясь от нее, составите рассказик, сюжет, историю. Постарайтесь запомнить, что нужно в этом рассказике упомянуть. Вы скажете, что, по-вашему, это за ситуация, что за момент изображен на картинке, что происходит с людьми.

Кроме того, скажите, что было до этого момента, в прошлом по отношению к нему, что было раньше. Затем скажете, что будет после этой ситуации, в будущем по отношению к ней, что будет потом. Кроме того, надо сказать, что чувствуют люди, изображенные на картинке или кто-нибудь из них, каковы их переживания, эмоции, чувства. И еще скажите, что думают люди, изображенные на картине, каковы их рассуждения, воспоминания, мысли, решения». Инструкция была повторена дважды. После этого инструкция была дополнена ее второй частью:

1) 'правильных' или 'неправильных' вариантов не бывает, любой рассказ, соответствующий инструкции, хорош;

2) рассказывать можно в любом порядке. Лучше не продумывать заранее весь рассказ, а начинать рассказывать первое, что приходит в голову, а изменения или поправки можно ввести потом, если будет в этой необходимости;

3) литературная обработка не требуется, литературные достоинства рассказов оцениваться не будут. Главное, чтобы было понятно, о чем идет речь. Какие-то частные вопросы можно будет задать по ходу.

На *втором этапе* испытуемым предлагалось заполнить анкету «Метафорические сравнения ассоциативным способом».

Эмпирический материал предоставляли лица, находящиеся на стационарном лечении от алкогольной и опиоидной зависимостей в Краснодарском Краевом Наркологическом Диспансере. В качестве экспериментальной группы были представлены лица, находящиеся на стационарном лечении в Краснодарском Краевом Наркологическом Диспансере, в 4-ом отделении. Экспериментальная группа была разделена в соответствии с диагнозами больных на две группы: диагноз первой – зависимость от опиоидов; диагноз второй – зависимость от алкоголя. Первую группу составляли лица имеющие стаж употребления опиоидов не менее 3-х лет, проходящие повторное лечение. Вторую группу составляли лица в анамнезе которых был *Delirium tremens* («Белая горячка»). В каждой группе было по 30 испытуемых, в возрасте от 18 до 55 лет. Прочие статусы и положения испытуемых игнорировались.

Процессы нарушения сознательной части психики (ЭГО) при алкогольных психозах и аутистических расстройствах, на наш взгляд, имеют единую психологическую природу. Характер галлюцинаций и содержание бредовых состояний при алко-

гольном психозе и бредовых состояний при аутистическом расстройстве наполнены единым символическим материалом, который соответствует символам архетипов МЛАДЕНЦА и МАТЕРИ.

Анализ текстового материала, полученного *от испытуемых с зависимость от алкоголя* показал на **экспонентном (формальном) уровне** следующее:

□ Во-первых, испытуемые при составлении рассказов не использовали распространенные, сложносочиненные и сложноподчиненные предложения. Текстовый материал представлен исключительно простыми нераспространенными предложениями.

□ Во-вторых, было выявлено, что характерным для текстов данной группы испытуемых является то, что способом связи элементов предложения является исключительно паратаксис. Пример: *«Встреча дорогих людей. Он отсутствовал, и она его дождалась. Может, он с войны пришел, а она его ждала и дождалась. Они встретились, и они счастливы. Это сразу видно. Потом он будет работать по своей специальности, а она – по-своей»*. Предложения, в которых бы использовался гипотаксис, не было обнаружено.

□ В-третьих, анализ показал, что характерным для всех текстов является телеграфический стиль связи предложений в рассказы. Примеры: *«Два мужчины. Один лежит. Один над ним водит рукой. Может врачеватель. Я про такое слышал»*. *«Черный цвет. Просвет белый. Человек мужчина или женщина не знаю. Окно открыто. Больше что еще? Почему она тут?»*.

□ В-четвертых, было выявлено, что характерным для данной категории испытуемых было использование глагольных форм со значением категории активности. Испытуемые при составлении предложений используют такие части речи, как глаголы, существительные, наречия, местоимения, союзы и предлоги. Рассказы в своем большинстве исключают употребление испытуемыми прилагательных.

□ В-пятых, было отмечено, что текстовый материал в подавляющем большинстве случаев по объему не превышал 10 предложений.

Субстанциональный (содержательный) уровень:

□ Во-первых, было установлено, что при составлении рассказов испытуемыми использовались языковые единицы с узкой сферой референции; другими словами испытуемые исполь-

зовали конкретные, недвусмысленные языковые единицы. Высказывания с узкой сферой референции преобладают в описательной части рассказа. Высказывания с широкой сферой референции, т.е. высказывания абстрактного содержания, преобладают в той части рассказа, где возникает необходимость установления причинности каких-либо описываемых событий или действий. Было отмечено, что испытуемые используют языковые единицы с широкой сферой референции в тех местах рассказов, где инструкция предполагала высказывания о прошлом и будущем, которые ждут персонажей картинок.

□ Во-вторых, было выявлено, что испытуемые не испытывали сложностей при составлении высказываний о том, что думали и из-за чего переживали персонажи. Было установлено, что характерным для всех испытуемых является наличие конфликтных ситуаций в рассказах. При чем виновными в рассказах являются посторонние, а не сам персонаж. Угроза конфликта очень часто исходила от женских персонажей.

□ В-третьих, анализ текстов установил, что рассказы данной категории испытуемых представлены в виде набора предположений. Рассказ состоит из высказываний, в которых испытуемые пытаются предположить возможное продолжение рассказа. Во время составления рассказа испытуемые как бы пытаются уяснить для самих себя, что происходит на картине. *«Мать она всегда сильнее мужика. Женщина – это, прежде всего, мать!».*

□ В-четвертых, рассматривая тематическую сторону рассказов, мы выделили сходства между ними:

1. Рассказы по первому стимулу были представлены рассказами, которые объединены тем, что мальчика заставляют заниматься, а он *не хочет*, ему *не интересно*. Мальчик страдает. Думает, что ему делать.

2. Рассказы по второму стимулу были представлены историями о том, что учительница приехала учить. Учительница и другая женщина, изображенная на картине, претендуют на мужчину, изображенного на картине. Также отмечались рассказы, где учительница должна найти свою половину и они поженятся.

3. Рассказы по третьему стимулу были представлены историями, в которых говорится о том, что мужчина хочет уйти, а женщина его удерживает. Мужчина хочет уйти, но не сильно

старается, его что-то удерживает. Женщина пользуется мужщиной. Отмечалось, что даже в том, случае если мужчина в данный момент уйдет, то он все равно вернется, а женщина знает об этом.

4. Рассказы по четвертому стимулу были представлены историями о том, что старуха или мать смотрит в комнату. В комнате или ребенок или муж. Она проверяет тем, он занимается или нет. Также отмечалось, что в комнате кто-то больной. Отмечалось, что тот, кто в комнате занимается чем-то не тем.

5. Рассказы по пятому стимулу были представлены историями о том, что встреча людей происходит после долгой разлуки. Они потеряли сына. Она его любит, он ее нет.

6. Рассказы по шестому стимулу были представлены историями о горах. Здесь люди жили. Была дорога. Сломанный мост. В горах тишина. Это место очень опасное, особенно ночью.

7. Рассказы по седьмому стимулу были представлены историями о том, что изображен целитель или смерть сына. Он исцелит ее, и они пожениются.

8. Рассказы по восьмому стимулу были представлены историями о том, что муж убил свою жену. Задушил. Он узнал о ней что-то плохое. Будущее плохое. Он будет страдать. Они часто ссорились.

9. Рассказы по девятому стимулу были представлены историями о том, что человек смотрит на звезды, луну, небо. Его все достало, он в ужасных условиях.

Человек влюблен. Думает о своей возлюбленной. Он думает, что будущее неизменно.

10. Рассказы по десятому стимулу были представлены историями о том, что женщина пришла на кладбище к своему сыну. Будущее плохое. Сына убил отец, но она не знает об этом.

Человек живет на кладбище. Любит одиночество.

Он вампир. Ждет свою жену.

11. Рассказы по одиннадцатому стимулу были представлены историями автобиографического характера. Общим для этих рассказов является схожесть сценария. Испытуемые отмечают, что в прошлом было все хорошо (они имеют в виду социальное положение, социальные блага и социальные знаки отличия: автомобиль, женщины, деньги, дом, и т.д.), но потом что-то произошло и они стали наркоманами.

12. Рассказы по двенадцатому стимулу были представлены историями о том, что у человека бессонница. Человек бы не хотел жить в лесу.

Человек в лесу. Ему одиноко и страшно. Он пришел к месту, где светло.

□ В пятых, было отмечено, что при составлении рассказов испытуемые не предлагали собственного способа образования рассказа. Испытуемые пользовались исключительно логикой, которая присутствовала в инструкции, т.е. они говорили: «*Сейчас... В прошлом... В будущем... Чувствуют... Думают...*».

□ В-шестых, в результате анализа текстов было выявлено, что рассказы испытуемых содержат конфликтность, т.е. для текстов характерно описание, которое выстраивается вокруг некоторого конфликта, противостояния.

□ В-седьмых, было отмечено, что текстовый материал испытуемых с зависимостью от опиоидов отличается очень частым употреблением таких глаголов, как *нравиться, хотеть*.

□ В-восьмых, было установлено, что одна из самых встречаемых тем рассказов является потеря сына или ребенка.

Сравнительный анализ текстов, полученных *от испытуемых с зависимостью от опиоидов* выявил следующие факторы на **экспонентном уровне**:

□ Во-первых, было выявлено, что испытуемые при составлении рассказов используют как простые нераспространенные предложения, так и простые распространенные предложения.

□ Во-вторых, было отмечено, что характерным для текстов данной группы испытуемых является то, что способом связи элементов в предложениях является как паратаксис, так и гипотаксис. Предложения, в которых использовался паратаксис, количественно преобладают. Было обнаружено, что некоторые испытуемые пытались составлять высказывания (предложения), в которых в качестве способа связи между элементами предложения предполагался гипотаксис, но, обнаруживая сложность в установлении такого рода связи, испытуемые прибегали к использованию предложений с паратаксисом.

□ В-третьих, было установлено, что в текстовом материале данной категории испытуемых, в отличие от испытуемых с зависимостью от алкоголя, встречаются прилагательные.

□ В-четвертых, анализ показал, что объем текстового материала, в основном, не превышал 15 предложений.

□ В-пятых, было установлено, что при составлении текстов использовались глагольные формы со значением категории активности.

Субстанциональный уровень:

□ Во-первых, было установлено, что при составлении рассказов испытуемыми использовались языковые единицы с узкой сферой референции, другими словами, испытуемые использовали конкретные, недвусмысленные языковые единицы. «это целитель. Он лечит человека. Больше не знаю что сказать. Это наверно целитель может лечит...».

После того как образы изображенные на картинах были исчерпаны, т.е. описаны конкретным языком, было отмечено, что в речи испытуемых начинали преобладать языковые единицы с широкой сферой референции, т.е. в речи появлялись высказывания абстрактного, многозначного содержания. Выражения с широкой сферой референции появлялись в речи испытуемых в тех случаях, когда им предстояло «заглянуть» в будущее или предположить, что имело место в прошлом. Были отмечено, что испытуемые испытывали сложности с выражением состояния персонажей «здесь и теперь», здесь также преобладали выражения абстрактного содержания. Пример: *«Будущее будет плохо», «Раньше все было хорошо», «сейчас думает может о чем... я не знаю о чем, может о жизни, может еще о чем всякое бывает. Все».*

□ Во-вторых, было отмечено, что при составлении рассказов испытуемые не испытывали сложностей с высказываниями о том, что могли думать и из-за чего могли бы переживать персонажи на картинах. Также было замечено, что после вопроса уточнить или просьбы предположить еще какие-нибудь варианты развития темы испытуемые приходили в замешательство и реагировали либо высказываниями абстрактного содержания, либо жаловались на то, что им трудно фантазировать, что ничего не лезет в голову.

□ В-третьих, анализ показал, что тексты рассказов представляют собой набор предложений, набор высказываний не столько по поводу, изображенной ситуации, сколько по поводу отдельных персонажей, изображенных на картине. Рассказы испытуемых представляются как рассуждения о том, что могло иметь место на картине. Еще одной отличительной чертой является на наш взгляд то, что в процессе составления рассказа

испытуемые пытаются угадать состояние изображенных людей. Многие испытуемые жаловались на то, что картинки черно-белые и что на них нечеткое изображение, т.е. по их убеждению из-за нечеткости изображений они ничего не могут сообщить о чувствах персонажей. Пример, «*Два человека. Мужского и женского пола. Кто они я не знаю. Я хочу есть*».

□ В-четвертых, при рассмотрении тематической стороны рассказов были выделены сходства между ними:

1 Рассказы по первому стимулу были представлены как вариации на тему: «*Мальчика родители заставляют заниматься скрипкой*».

2 Рассказы по второму стимулу были историями о том, что учительница приехала в село, люди работают в поле.

3 Рассказы по третьему стимулу составляют истории о том, что персонажи (муж и жена) были в разлуке и снова встретились.

4 Рассказы по четвертому стимулу – это истории о том, что мужчина и женщина были в ссоре. Мужчина пытается уйти, а женщина его держит.

5 Рассказы по пятому стимулу представлены историями о том, что бабушка или мать смотрит в комнату, а в комнате либо ребенок, либо муж.

6 Рассказы по шестому стимулу – это истории о разрушениях в горах, об обвале и сломанном мосте.

7 Рассказы по седьмому стимулу – это истории о том, что лекарь лечит человека.

8 Рассказы по восьмому стимулу – это истории о том, что муж убил свою жену. Он узнал что-то плохое. Он сожалеет будет потом.

9 Рассказы по девятому стимулу – это истории о том, что на черном фоне стоит человек. Смотрит на Луну или на небо.

10 Рассказы по десятому стимулу – это истории о том, что человек или женщина-Мать пришла на могилу к родным или сыну.

11 Рассказы по одиннадцатому стимулу представлены автобиографическими историями.

12 Рассказы по двенадцатому стимулу – это истории об одиноким человеке, которому некуда идти. Время года описывалось как зима.

□ В-пятых, анализ показал, что испытуемые испытывают трудности в создании индивидуальной тематики, собственной логике рассказа, они предпочитали использовать логику, которая содержалась в инструкции. Рассказы имели форму: *«Сейчас... В прошлом... В будущем... Чувствуют... Думают...»*. Рассказы жестко привязаны к изображенной ситуации на картине. Тематика рассказов сужена до отношений между мужчиной и женщиной, отношений матери и ребенка.

□ В-шестых, была отмечена конфликтность как одна из тем рассказов, которая встречается у всех испытуемых. Пример: *«они в ссоре и он уходит»*, *«мальчика заставляют родители»*, *«он узнал о жене что-то плохое и убил ее»*, *«человек не знает, как жить дальше, и вот он один на улице»*.

Таким образом, опираясь на полученные – по обоим экспериментальным методикам – данные можно с высокой долей вероятности говорить, что уровень языковой компетенции у лиц употребляющих психоактивные вещества (лица с зависимостью от алкоголя и лица с зависимостью от опиоидов) очень низок. Данный вывод опирается на следующие экспериментальные факты: Прежде всего, на это указывает эгоцентрическая речь, которая обращена на себя, но не на собеседника; ориентация испытуемых на внешние стимулы, т.е. отсутствие внутренней опоры; «телеграфный» стиль речи; нарушение внешнего синтаксиса рассказов; предикативный способ изложения; использование высказываний с широкой сферой референции в отношении прошлого, будущего, чувств; и др.

Все мифологические установки проявления архетипа УЖАСНОЙ МАТЕРИ, прямо указывают на бессознательное, как на их источник. Символическое значение содержаний и тематик рассказов в первой экспериментальной методике с одной стороны, и значение метафорических сравнений, с другой стороны, – свидетельствуют о высокой выраженности архетипов УЖАСНОЙ МАТЕРИ и МЛАДЕНЦА.

Юнг говорит, что архетип обладает определенным содержанием, т.е. он является разновидностью бессознательной идеи. Архетипы определены не содержательно, а формально, причем степень определенности незначительна. Изначальный образ может быть определенным в том случае, когда он *становится сознательным*, обогащаясь фактами сознательного опыта. Его форму можно сравнить с осевой структурой кристалла, которая

предопределяет кристаллическую структуру матричной жидкости, хотя сама по себе материально не существует. Архетип сам по себе пуст и чисто формален он не что иное, как предопределенная возможность, данная *a priori*. Кристалл может изменяться до бесконечности, единственное, что остается неизменяемым – это осевая нить. Это же справедливо и в отношении архетипа (Юнг 1994: 214-215).

О проявлении архетипа МЛАДЕНЦА свидетельствуют следующие экспериментальные данные: метафорические сравнения со значением «покинутости», «оторванности», «отчуждения», «искажения реальности», со значением «угрозы со стороны женского начала», «внешнее вторжение», «застой и захваченность». На архетип МЛАДЕНЦА указывают конфликтность содержания рассказов и тема «потери сына». С психологической точки зрения архетип МЛАДЕНЦА свидетельствует о досознательной и послесознательной сущности индивида. (Юнг 1994) МЛАДЕНЕЦ есть не что иное, как *renatus in novam in tantiam* («дитя, возрожденное в себе подобном»). Он и начало, и конец, изначальное и конечное создание. Истоки его уходят своими корнями в те времена, когда человек еще не появился, а все завершится тогда, когда человека (дифференцированной личности [С.А.С.]) не станет. С точки зрения психологии это означает, что младенец символизирует досознательную и послесознательную сущность индивида: к первой относится *бессознательное состояние самого раннего младенчества*, ко второй – возникающее по аналогии *предчувствие жизни после смерти*. Эта идея – отражение всеобъемлющей природы психической целостности. *Целостность существует только за пределами сознания, включая в себя неограниченные и неопределенные возможности бессознательного*. Таким образом, целостность, если подходить к ней эмпирически, безгранична, она *древнее и моложе сознания* во времени и пространстве. И это не выдумка, а непосредственное психическое переживание.

МЛАДЕНЕЦ – это все брошенное на произвол судьбы и в то же время божественно могущественное; ничем не примечательное, сомнительное начало и триумфальное завершение. Извечный, младенец в человеке – это переживание, которое невозможно описать, некая несообразность, внутреннее препятствие и одновременно божественная прерогатива; это нечто

неуловимое, но определяющее конечную ценность или ничтожность личности.

Кроме того, в содержании рассказов присутствуют высказывания, которые указывают на архетип МАТЕРИ: «*Мать! Мать она всегда сильнее мужика!*», «*Женщина – это, прежде всего, Мать!*», «*Женщина всегда давит на мужчину, и он вынужден выполнять ее требования, она же хранитель домашнего очага*».

Высказывания испытуемых при анализе их метафорических сравнений говорят о том, что конструкции их сравнений носят негативную и даже угрожающую тенденцию для жизни.

По мнению автора, значения метафорических сравнений могут быть интерпретированы, как «внешнее вторжение», «застой», «захваченность», об этом говорят такие сравнения, как «*ветер*», «*огонь*», «*больной*», «*ангел*», «*луна*», «*тряпка*». Также автором было отмечено, что основная угроза в метафорических сравнениях исходит от негативного влияния женского начала, от конфликта с женским началом, об этом говорят такие сравнения, как «*рак*», «*жаба*», «*жуха*», «*паутина*», «*совы*», «*старуха*», «*дракон*», «*тетка*», «*кошка*», «*волк*».

Нужно отметить, что в трактовке символики «*старик*» и «*старуха*» имеется значимая разница, которая при анализе подтверждает излагаемую негативную тенденцию испытуемых. В 20 случаях испытуемые дали ассоциацию «*старуха*» и лишь в одном случае была получена ассоциация «*старик*».

В результате анализа было выявлено, что для обеих групп испытуемых характерны метафорические сравнения со значением оторванности, отчужденности, искажения реальности «здесь и сейчас»: «*зверь*», «*камень*», «*стекла*», «*сено*», «*железо*», «*угольки*», «*искры*», «*лист*», «*дурак*», «*сумасшедший*», «*бешеный*».

Кроме того нужно, отметить, что ряд полученных метафорических сравнений непосредственно являются символами архетипа МАТЕРИ. Это следующие сравнения: «*луна*», «*лак*», «*жаба*», «*муха*», «*паутина*», «*совы*», «*старуха*», «*дракон*», «*тетка*», «*кошка*», «*вол*», «*холод*», «*засуха*», «*смерть*», «*лошадь*», «*море*». Причем нужно обратить внимание на тот факт, что данные символы в своем большинстве представляют негативный аспект архетипа ВЕЛИКОЙ МАТЕРИ. К позитивному переносу можно отнести только «*море*», но с высокой осторожностью.

Данная работа использует отправной точкой холистическую парадигму, а это говорит о том, что нарушение речи нужно рассматривать, не вырывая его из целостного течения жизни человека. Как показало экспериментальное исследование, нарушению речи сопутствует употребление психоактивных веществ (ПАВ): алкоголя и опиоидов. В свою очередь в теоретической части предлагалось понимать употребление ПАВ, как неосознанное движение к целостности с МИРОМ, которое представляет собой возврат (за неимением в сознании иного способа единения с мировым пространством) к недифференцированному плеромному сознанию новорожденного, иными словами, – возврат к отношениям ЛЮБЯЩАЯ и УЖАСНАЯ МАТЬ – РЕБЕНОК, где МАТЬ воплощает МИР, а РЕБЕНОК – ЭГО человека, или, опять же иными словами, – деградацию личности на предыдущие стадии эволюции сознания, которые психологически переживаются как единение с МИРОМ.

Современная наука в рамках холотропного подхода рассматривает знаково-символическую деятельность человека как медиатор, связывающий мир человека и мир космоса. Речевая деятельность сигнализирует об эволюционном уровне человеческого сознания, которое понимается как синергизм двух сфер: сознательного и бессознательного в человеке.

Целью данного исследования было установления уровня языковой компетентности испытуемых (языковая компетентность – степень владения языковыми формами и структурами) в экспрессивной речи. Опираясь на данные, полученные в экспериментальной части работы, можно с высокой долей вероятности говорить, что уровень языковой компетенции лиц употребляющих ПАВ (алкоголь и опиоиды), очень низкий. Прежде всего, на это указывает эгоцентрическая речь, которая обращена на себя, но не на собеседника; ориентация испытуемых на внешние стимулы, т.е. отсутствие внутренней опоры; «телеграфный» стиль речи; нарушение внешнего синтаксиса рассказов; предикативный способ изложения; использование высказываний с широкой сферой референции в отношении прошлого, будущего, чувств; и др.

Юнг в работе «AION» говорит, что захват сознания образами и мотивами бессознательного (архетипа УЖАСНОЙ МАТЕРИ и МЛАДЕНЦА, в нашем случае) неизбежно влечет за собой инфляцию ЭГО, т.е. изменения содержательной и функциональ-

ной стороны ЭГО, как субъекта общественного процесса. В свою очередь архетип представляется нам, как способ восстановления единства с МИРОМ, присущий «безличной» душе.

Опираясь на экспериментальные данные, можно сделать вывод о том, что значения метафорических сравнений, символическое значение тем и содержаний рассказов отражают символику архетипов МАТЕРИ и МЛАДЕНЦА, что говорит об активной ассимиляции сознательной стороны человеческого существа его бессознательной сущностью. Как известно, в речевой деятельности отражается сознательная личность. Опираясь на полученные экспериментальные факты можно, с высокой долей вероятности, сделать вывод о том, что сознательная деятельность испытуемых с зависимостью от алкоголя и с зависимостью от опиоидов подвержена активному компенсаторному влиянию бессознательного содержания. Поскольку, как говорит М. Хайдеггер, осознание и/или познание в современной науке – это, прежде всего, способность облачения в вербальные формы, то бессознательное содержание, по своему определению, не может быть воплощено в вербальных формах. Данное положение видится как фактор, препятствующий вербализации.

Проведенное экспериментальное исследование, имевшее целью выявление уровня языковой компетенции у лиц, употребляющих психоактивные вещества, подтверждает выдвинутую гипотезу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кюглер П. Алхимия дискурса: образ, звук и психическое. – М.: PerSe, 2005.
2. Микиртумов Б.Е. Лексика психопатологии. – СПб.: Речь, 2004.
3. Россохин А.В., Измагурова В.Л. Личность в измененных состояниях сознания. – М.: Смысл, 2004.
4. Руднев В. Диалог с безумием. – М.: АГРАФ, 2005.
5. Руднев В. Словарь безумия. – М.: Неизменная фирма Класс, 2005.
6. Спивак Д.Л. Измененные состояния сознания: психология и лингвистика. – СПб.: Ювента, 2000.
7. Юнг К.Г. Психология бессознательного. – М.: Канон, 1994.

Получено 28.04.2006 Южный институт менеджмента

Сухих, Станислав Алексеевич – доктор филологических наук, профессор Южного института менеджмента, г. Краснодар; sustal@manag.kubsu.ru.